

ему не от кого слышать это; он не знает, доходят ли его статьи по адресу, кто его читатели; знакомые не читают, и он не знает своего места в литературе. И пока он это говорил, был похож на свою карточку с Григорием Петровым. ... После он читал мне и Магде у себя слова Сурикова⁵⁰⁷ и эпизоды из детства Черубины. В 11 часов я ушла.

16 сентября. ... Вечером говорили с М. А. об архитектуре, скульптурах, памятниках (в Париже), смотрели рисунки. Елена Оттобальдовна зашла. Смотрели ряд фотографий: его и школы Рабенек⁵⁰⁸. Говорили о танцах Айседоры Дункан⁵⁰⁹.

21 сентября. ... Вчера мы снова гуляли с М. А. Пошли по берегу с Кок-Кая⁵¹⁰. Говорили о Москве, о выставках. Тропинки размыты, неузнаваемы. Спустились в Змеиный грот и сидели на крохотном пляже под гигантскими камнями, вспоминая одновременно Одиссея. Совпадение удивило меня, но М. А. сказал: "Немудрено. Он же на Карадаге, где-то тут, спустился в Аид. Пристал у кордона, шел тропинкой..." и т. д. Вылезая из грота, не без труда, М. А. ужасался своими размерами, боясь, что наступит день, когда он больше не сможет туда пролезть. ...

22 сентября. ... М. А. предложил мне свои стихи, и, пока подписывал книгу, я смотрела в последний раз на знакомую комнату. Потом он предложил обменяться этюдами. Я выбрала, а меня он просил прислать ему то, что будет выражать меня и что мне захочется повесить у него.

23 сентября. Утром в разгаре отъезда пришел М. А. Проходя купаться, он не узнал меня в городском виде и теперь пришел браниться за прическу: нашел, что она скрывает лоб, выявляя рот, в котором всегда более мелкое выражение, и делает лицо "городски хорошенъким". ... Сидели наверху. Спрашивал, буду ли писать стихи. Обещала. Просил все присыпать ему.

"А вообще-то написать вам можно?" - "Непременно, и отсюда я даже отвечу". Объяснил, что в Москве не успевает писать писем. Потом сошли вниз. ... Говорили ... о французских поэтах-изобретателях, когда позвали меня на извозчика ...

Бруни, прощаясь, спросил мой адрес, и М. А. вспомнил, что и у него его нет. Я прибежала в мастерскую и записала адрес на каталоге. Простились, сели; еще простились, и за поворотом еще видели бегущего Бруни. Было жарко и ясно, пели жаворонки, зеленела трава, деревья были зелены до последнего листа.

Елизавета Кривошапкина ВЕСЕЛОЕ ПЛЕМЯ "ОБОРМОТОВ"

...С осени 1913 года Крым вошел в мою жизнь, вошел навсегда. Я живу у папиного брата, дяди Рудольфа⁵¹¹, и учусь в седьмом классе частной гимназии в Феодосии. Дом, в

---

507 337 В январе 1913 года Волошин несколько дней подряд беседовал с художником Суриковым о его жизни и творчестве, в тот же день записывая эти рассказы в дневник. Все эти записи и легли в основу монографии Волошина о Сурикове

508 338 Рабенек (Книппер) Елена (Элла) Ивановна (урожд. Бартельс, 1875-?) танцовмейстер, преподаватель сценического движения. Работе этой известной русской "ритмо-пластики" Волошин посвятил статью "О смысле танца", напечатанную в газете "Утро России" (1911. 29 марта).

509 339 Волошин увидел выступление Айседоры Дункан в 1904 году в Париже и тогда же написал о ее "проповеди нового танца" (см. сведения о публикации статей Волошина, посвященных Дункан, в 6-м примечании к воспоминаниям М. Сабашниковой) Это было первое в русской критике глубокое осмысление искусства знаменитой танцовщицы.

510 Одна из крымских гор.

511 Редлих Рудольф Морицович - фотограф, художник-любитель.

котором я живу, покрыт розовой черепицей и стоит над городом и синей бухтой. За ним по некрутому склону поднимается несколько мазанок слободки, а дальше - гора, белая известковая и полынная земля. Пройдешь минут пять по узкой каменной тропинке - и уже начинаются заросли кизила и редкие виноградники за сложенной из камней оградой под теплым небом. Дом окружен любовно выращенным садом. Когда наступала весна, морской ветер качал высокие тополя и шевелил цветы миндаля, персиков и абрикосов. Давным-давно, еще в пору дружбы с Айвазовским, дядя начал строить этот дом и начал его с двух комнат. Теперь их восемь - да еще небольшая оранжерея и большая мастерская, где дядя пишет свои картины, и застекленная веранда...

Одновременно со мной поселились у дяди в двух маленьких комнатах Марина Цветаева с мужем Сергеем и маленькой дочкой Алей. Они принадлежали к тем удивительным людям, с которыми дружили дядя Рудольф и мой двоюродный брат Владимир Александрович Рогозинский. Особенno Володя был дружен с Волошиным и художниками Богаевским и Кандауровым. Они часто приходили сюда, в маленький дом над феодосийским Карантином⁵¹²: поднимались по крутой и немощеной улице Феодосии или спускались по тропинкам с Феодосийской горы, после долгого пути пешком, прямо из Коктебеля.

Сколько раз мы совершали этот путь!. Весной, когда еще зеленела трава, в ложбинах цвели темно-красные дикие пионы. Мы рвали букеты для Пра - матери Максимилиана Александровича, Елены Оттобальдовны. После долгого пути по плоскогорьям и ложбинам вдруг раскрывалась долина Коктебеля. И на всю жизнь в памяти остался залив, замкнутый "зубчатым окоем гор", с его чистыми, неожиданно яркими красками, ставший "нечаянной радостью" в жизни многих людей. Казалось, каждая покрытая щебнем тропинка в горах, облако, столбом встающее на горизонте, каждый куст, несмолкаемый прибой - все здесь насыщено духовной, почти человеческой жизнью и мыслью. И нас, подростков, давно ждавших, когда же жизнь начнет показывать свои чудеса, она не обманула, показала нам эти места и поставила на нашем пути людей, о которых и сейчас знаешь, что были они прекрасными...

После первых пасхальных дней 1914 года Володя повез нас на своей машине в Коктебель, к Волошину. Ослепительно белое симферопольское шоссе бежало по степи. Володя указывал на проносившиеся мимо каменные тумбы с двуглавыми орлами, говорил: "Это Екатерининские версты"⁵¹³ ; указывая на невысокие железные столбы, поддерживающие уходящие вдаль провода, говорил: "Индийский телеграф"⁵¹⁴. В лицо дул сильно и незнакомо пахнущий ветер, и жизнь раздвигалась во времени и в пространстве. Машина свернула в сторону от шоссе и побежала по белой известковой дороге между невысоких холмов, поросших короткой травой. Скоро между двух холмов показался сияющий синий треугольник - море. Мы приехали в Коктебель.

Машина стоит у шумящего прибоя, перед калиткой простой двухэтажной дачи с невысокой башней. У калитки нас встретила старая женщина, похожая немного на Гёте. Она была странно одета. Кустарный шушун, широкие длинные шаровары и казанские расширенные сафьяновые сапожки. Взгляд острый, седые подстриженные волосы. Повернувшись к дому, она крикнула басом: "Ма-а-кс!" Это была мать Волошина, Елена Оттобальдовна.

Высокий голос ответил: "Иду, мама!"

---

⁵¹² Феодосийский карантин располагался в стенах средневековой генуэзской крепости, по соседству с портом.

⁵¹³ 340 Екатерининские мили - каменные столбы, установленные по маршруту Екатерины II, в честь ее путешествия по Крыму в 1787 г.

⁵¹⁴ 341 Англо-индийский телеграф (Лондон - Калькутта) построен в 60-х годах XIX века; открытие линии состоялось в январе 1870 г.

Очень легко и быстро сбежал по лестнице полный человек с кудрями, перехваченными ремешком. Он был в рыжей блузе, напоминавшей хитон, в чувяках на босу ногу. Смотрел он так же остро и пристально, как мать, только не сурово, а улыбаясь.

Старушка оглядела нас внимательно и строго и сказала: "Славные ребята, надо только их обобогмотить", - она слегка картиналила.

В доме много небольших побеленных комнат, в окна которых заглядывает то Карадаг, то море, то Сюрю-Кая - голая, светло-серая остроконечная скала, и всюду гуляет свежий морской сквозняк и шуршит прибой. В этих комнатах обитало веселое племя "обормотов": художники, поэты и немного людей других профессий. Все носили мало одежды: босые или в чувяках на босу ногу; женщины, в шароварах и с открытыми головами, эпатировали "нормальных дачников". Был у них и свой гимн, начинавшийся словами:

Стройтесь в роты, обормоты,
В честь правительницы Пра...

Мы скоро удрали на пляж и, лежа на животе, искали в гальке удивительные полудрагоценные камешки, способные сделать человека счастливым, - сердолики, халцедоны, яшму и даже зеленые хризопразы, камни, для которых коктебельцы изобрели фантастическое название "фернампиксы"...

Наступила осень. Володя еще не уехал в Москву и как-то вечером повез нас в Коктебель. Когда мы остановились у дачи, быстрые южные сумерки переходили в ночь. Волошин ушел в Змеиный грот, и мы пошли по пляжу ему навстречу.

- Сейчас начнем сигнализировать, - сказал Володя.

Приставив спичку головкой к коробке, он щелкнул по ней. Огонек спички описал красивую дугу в голубеющем воздухе. Еще одна, еще - и вдруг мы увидели на фоне черной горы яркую искру, тоже описывающую маленькую дугу, за ней - другую, третью.

- Ну, вот и Макс.

А вот и невысокий силуэт с поднятой рукой. Мы подходим к дому, из-за него поднималась большая луна. "И распускается, как папоротник красный, зловещая луна"...

Часа через два на вышке Волошин читал стихи. Над морем стояла луна, ставшая маленькой и белой, плещущая серебром дорожка доходила до самой вышки, пляжа не было видно.

С какой тоской из влажной глубины
К тебе растут сквозь мглу моих распятий,
К Диане бледной, к яростной Гекате
Змеиные, непрожитые сны.

Потом удивительные стихи, которые кончались строфой:

Как рыбак из малой Галилеи,
Как в степях халдейские волхвы
Ночь-Фиал, из уст твоей Лилей
Пью алмазы влажной синевы!⁵¹⁵

Когда тебе шестнадцать лет, сидишь на башне, слушаешь, как прибой расплескивает серебро "яростной Гекаты", а напевный голос поэта говорит о том, как глубока вселенная и священна жизнь, тебя охватывает счастье.

515 342 Цитируются строки Волошина из его стихотворения "Зеленый вал отпрянул и пугливо..." (1907), из магистрального сонета в венке сонетов "Lunaria" (1913) и заключительная строфа из волошинского стихотворения "Сердце мира, солнце Алкиана..." (1907).

Когда все стали расходиться, Володя положил руку мне на плечо и сказал:

- А знаешь, Макс, это, может быть, твоя самая горячая поклонница.

Волошин ответил с невеселой усмешкой:

- Видимо, моя судьба - нравиться старушкам и четырнадцатилетним девочкам, - и взял со скамейки книгу. При свете луны написал на ней что-то, а затем дал ее мне.

Зажав книгу в руке, я держала ее все время, пока машина бежала сквозь теплые около дач и прохладные в степи струи воздуха. Дома, в столовой, возле лампы прочла: "Милой девочке с простым лицом и прямыми волосами". Прочла и расстроилась. А Володя сказал, что это очень хорошая надпись. Книга, к сожалению, пропала.

В один из жарких дней конца лета шестнадцатого года Володя повез нас с Олей⁵¹⁶ и Верой⁵¹⁷ в Коктебель на литературно-художественный вечер, который там устраивали в пользу раненых.

Дом на берегу был переполнен веселым громким народом, и мы с Верой рассматривали его с берега. Потом побрали по пляжу к кафе "Бубны". Этот деревянный сарай на берегу моря получил свое название от пословицы "Славны бубны за горами". Правда, это не обычновенный сарай. Небрежно побеленные дощатые его стены покрыты карикатурами и стихами. У самых дверей нарисован растрепанный толстый человек в оранжевом хитоне, и [здесь же] две стихотворные подписи: "Толст, неряшлив и взъерошен Макс Кириенко-Волошин", "Ужасный Макс - он враг народа, его извергнув, ахнула природа".

По другую сторону двери - тоже толстый, очень важный человек: "Прохожий, стой! Се граф Алексей Толстой!"

Рядом с Волошиным, на фоне Кок-Кая, Святой горы и Сюрю-Кая, - человечек в котелке, черном костюме со стоячим воротничком, подпирающим бессмысленное лицо с усиками. Подпись: "Нормальный дачник, друг природы. Стыдитесь, голые уроды!" На вершине пика Сюрю-Кая стоит на одной ножке балерина: "Вот балерина Эльза Виль⁵¹⁸ - классический балетный стиль!"

Всюду рекламы: очень талантливо написанные натюрморты, фрукты, окутанные паром сосиски, чашка кофе и надписи: "Как приятно в зной и сушу есть десяту грушу", "Желудку вечно будут близки варено-сочные сосиски!", "Выпили свекровь и я по две чашки кофия", "Нет лучше угощенья - Жорж Бормона печенья" - и много еще другого смешного.

Когда над отузскими горами⁵¹⁹ разметались закатные облака, мы нерешительно вернулись на дачу Волошина и вошли на большую террасу, где за длинным столом собралось бурно веселящееся общество. Нас встретили возгласами и смехом и стали поить чаем. На столе - только что сорванные тяжелые, розовые и синие, подернутые туманом гроздья винограда; копченая барабулька поблескивает, как на голландском натюрморте; рядом с большими кусками белой тяжелой брынзы - замечательный пышный крымский хлеб. Хозяева очень радушны, и все, что на столе, - действительно, "желудку вечно близко". Кроме всего, в центре - огромный сладкий пирог, присланный с нами тетей Алисой⁵²⁰.

Когда собрались идти в "Бубны", Коктебель уже потонул в синеве. Темнело рано, лето подходило к концу. Ходасевича, споткнувшегося о камень, с двух сторон подхватывают под руки. В темноте слышно, как он смеется и говорит, что уж если он упадет, то не встанет и

⁵¹⁶ Ольга Артуровна Рогозинская (урожд. Лаоссон 1888-1971) - жена В. А. Рогозинского.

⁵¹⁷ Вера Павловна Редлих (р. 1894) - сестра Е. П. Кривошапкиной, пианистка.

⁵¹⁸ Виль Эльза Ивановна (1882-1941) - балерина Мариинского театра.

⁵¹⁹ Горы окружают раскинувшуюся неподалеку от Коктебеля Отузскую долину.

⁵²⁰ Редлих Алиса Федоровна (1868-1944) - пианистка.

читать стихов не будет. Потом он весело рассказывает, как заполучил туберкулез позвоночника и этот проклятый гипсовый корсет.

Два года назад он гостил в подмосковном имении своих друзей. Там все изрядно выпили, была очень темная ночь. Он вышел на террасу второго этажа. В темноте видны были несколько колонн. Он знал, что перед ним должна быть лестница, ведущая в цветник. Взялся за перила и шагнул. Лестница осталась сбоку, он упал со второго этажа и стал на ноги.

- Конечно, не будь я так пьян, позвоночник бы остался цел, я бы просто упал⁵²¹...

Рядом какие-то две тени вполголоса обсуждали, как переделать одну строфу в коктебельской "Крокодиле". Мандельштам обиделся на строчки: "Она явилась в "Бубны", Сидят там люди умны, Но ей и там Попался Мандельштам". Кто-то из проходивших предложил заменить: "Под звуки многотрубны"...

Зажелтели окна "Бубен". Народу много. На сдвинутых столах устроена эстрада, освещенная двумя керосиновыми лампами "молния". На эстраде стоит Ходасевич, на очень белый лоб падает черная прядь. Говорит он медленно, глуховато:

По вечерам мечтаю я.
(Мечтают все, кому не спится.)
Мне грезится любовь твоя,
Страна твоя, где всё - из ситца...

Под конец он прочел мрачные стихи о том, как он лежит в гробу и "она" робко подходит и кладет ему на грудь мешок со льдом⁵²².

Публике понравился больше Мандельштам. Он, закинув голову, протяжно скандировал:

Средь аляповатых дач,
Где шатается шарманка,
Сам собой летает мяч,
Как волшебная приманка.
Кто, смиривший грубый пыл,
Облеченный в снег альпийский,
С резвой девушкой вступил
В поединок олимпийский?⁵²³

Ему сочувственно хлопали. Потом, стоя рядом плечо к плечу, Марина и Ася Цветаевы читали стихи Марины. Стихи, полные "колыбелью юности", Москвой, обе юные и веселые. После них читал Волошин. Для собравшихся здесь в большом количестве "нормальных дачников" надо было читать о любви. И когда он закончил строками:

---

521 343 Несчастный случай с В. Ф. Ходасевичем произошел в 1914 г.

522 344 Е. П. Кривошапкина приводит начальную строфу из стихов В. Ходасевича 1909 года, вошедших в цикл "Ситцевое царство", и пересказывает его стихотворение "О, если б в этот час желанного покоя..." (1915), завершающееся строками:

Так. Резвая - ты мудрости не ценишь.
И пусть! Зато сквозь смерть услышу, друг живой,
Как на груди моей ты робко переменишь
Мешок со льдом заботливой рукой.

523 345 Первые строфы стихотворения О. Мандельштама "Теннис" (1913).

Люби его метко и верно
Люби его в самое сердце!⁵²⁴

апплодировали много и громко. Сзади - чье-то ехидное хихиканье и слова: "Сорвал-таки Макс аплодисменты"...

Танцуют балерины, поют певцы, и под конец все - и серьезные, и не серьезные участники поют "Крокодилу"⁵²⁵:

По берегу ходила
Большая Крокодила,
Она, она
Зеленая была!
Во рту она держала
Кусочек одеяла,
Она, она
Голодная была.
В курорт она явилась
И очень удивилась.
Сказать тебе ль:
То был наш Коктебель!
От Юнга до кордона,
Без всякого пардона,
Мусье подряд
С мадамами лежат.
К Васильевым на дачу
Забралась наудачу
И слопала у них
Ракетки в один миг.
Забралась она в "Бубны",
Сидят там люди умны,
Но ей и там
Попался Мандельштам.
Явился Ходасевич,
Заморский королевич,
Она его...
Не съела, ничего.
Она здесь удивилась
И очень огорчилась:
Она - ха-ха!
Искала жениха.
И к Кедрову и Гладкой⁵²⁶
Забралася украдкой

---

⁵²⁴ 346 Заключительные строки из стихотворения Волошина "Любовь твоя жаждет так много..." (1914).

⁵²⁵ 347 Коктебельская "Крокодила" написана на мотив известной в те годы "уличной" песенки "По улицам ходила Большая Крокодила...".

⁵²⁶ Кедров Николай Николаевич (1871-1940) и его жена Гладкая Софья Николаевна (1875-1965) - профессора Петроградской консерватории по классу пения.

И чуть, ей-ей,
Не слопала детей.
Максимилюан Волошин
Был ей переполошен,
И он, и Пра
Не спали до утра.

И еще много всякой чепухи, а всё кончалось:

Ей скоро надоели
Все встречи в Коктебеле,
Она открыла зонт,
Поплыла в Трапезонд⁵²⁷

Возвращались опять толпой по пляжу. Над черной отвесной стеной моря за это время встали новые созвездия. Море шумит громче, прибой отсчитывает мгновения. На даче некоторые окна уже светятся слабым желтым светом.

Максимилиан Александрович сказал нам:

- Идемте, спать будете под Таиах.

В башне двусветной мастерской, в нише между двумя диванами, стоит алебастровый слепок с головы египетской царицы Таиах. В молодости Максимилиан Александрович работал бесплатно в одном из музеев Парижа, чтобы получить этот слепок. Волошин поставил горящую свечу на цоколь под головой Таиах и поднялся к себе на антресоли. Там была дверь в кабинет, где он спал.

Мы сидим на диванах и смотрим на таинственное лицо египтянки. Освещенные снизу ее полные губы загадочно улыбаются. Верхняя часть лица видна неясно, уходит в тень, как и полки книг, занимающие весь второй этаж башни, до самого потолка.

Волошин сверху окликнул меня:

- Ночью бывает прохладно - ловите! - и бросил мягкий плед. - Он теплый, парижский!

Плед тигровый, отливают при свече золотом, и тепло его особенное, парижское, волшебное. Потушили свечу, скрылась Таиах и книги, но явились окна высотой в два этажа. Они открыты - и в них сразу же вошли крупные звезды, ветер, пахнущий полынью и морем, шум прибоя. Всё - Таиах. Звезды, которые, казалось, горят в самой мастерской, были так удивительны после шума, духоты, танцев, после "Крокодилы"...

Глаза закрылись сами - и открылись, казалось, сейчас же, в залитой ярким солнцем мастерской. Со всех сторон голоса и смех, чьи-то ноги быстро сбегают с лестниц. Шума прибоя не слышно, но близкое море синим пологом завесило окна. И опять мы летим на пляж, роемся в камнях, находим опаловые халцедоны с горящим в глубине розовым огоньком...

Из дачи выходит тощий человек, очень легко одетый. Он входит в прибой и, подождав, когда убежит волна, набирает полное ведро камней. Это - барон Каульбарс. Он самый тяжело "больной" из всех, живущих здесь, "каменной болезнью". Начался его рабочий день. Дома он высыпает камни на стол, внимательно изучает их, затем несет их обратно и снова набирает ведро... А вот двое юношей, босые, в купальных костюмах, побежали на пляж и начали метать диск. Это два московских студента, их так и зовут - "дискоболы".

Мы продолжаем следить за жизнью этих заманчивых людей. Вот три художника с этюдниками уходят в горы. Двое - не молодые, худощавые мужчины, а третья - молодая женщина. Одеты все одинаково: у всех голые до колен загорелые ноги, а на женщине не юбка, а шаровары. Мы знаем их: это Богаевский, Кандауров и Юленька Оболенская.

---

527 Трабзон (Трапезунд) - город в Турции, на берегу Черного моря.

Идут на этюды скелеты по руслу сухому реки,
Идут на этюды скелеты, и мерно стучат позвонки,
писала Юленька. И осенью, об опустевшем Коктебеле:

Уж стихнул голос дискоболий,
Как хруст бароновых камней.

И в конце:

Да, выбирает фернампиксы судьба на нашем берегу...

Мимо прошли Марина Цветаева и Сергей Эфрон. Она одета так же, как и Оболенская, на загорелых мальчишеских ногах татарские чувяки. Ветер треплет ее стриженные волосы. Невысокая, худощавая, широкая в плечах, она кажется мальчишкой, подростком. Но - серьезен взгляд сквозь пенсне, на руке широкий браслет с бирюзой. Смотрю им вслед и вспоминаю зиму 1914 года, которую мы прожили с ними в одном доме...

Здесь, в Коктебеле, они кажутся далекими и не совсем понятными, как и другие здешние люди. Становится грустно. Так и ушли они из моей жизни в сторону Карадага... Были потом две-три мимолетные встречи в Москве, да были еще письма, которыми мы обменялись с Мариной в трудный 1918 год. Тогда нам удалось кое-что сообщить друг другу о наших близких, исчезнувших в океане революции и гражданской войны. Она - о моих, а я - о ее.

О начале революции Волошин писал:

Шатался и пал великий
Имперский столп;
Росли, приближаясь, клики
Взметенных толп...⁵²⁸

В том году толпы пока молчали, веселились "обормоты"...

Через несколько часов Володин автомобиль бежал по шоссе, и мы, обернувшись, смотрели на тающую в мареве острую верхушку Сюрю-Кая и на синеющий за холмами треугольник.

Через двенадцать лет, в 1928 году, я в последний раз видела Волошина. Мы большой компанией пришли пешком из Феодосии. На даче Волошина было людно. Он сидел в мастерской у высокого окна за небольшим столом. Перед ним лежало несколько незаконченных акварелей, работал он над всеми сразу.

Максимилиан Александрович очень изменился, был почти седой. Елена Оттобальдовна умерла. По даче ходила небольшая черноглазая энергичная женщина - его жена⁵²⁹. На ней были сапожки и шушун, который когда-то носила Пра.

Он встретил нас ласково. Во взгляде его не было той острой пытливости, что раньше. Это был грустный и добрый взгляд. Было видно, что он всех нас и без разглядывания понимает. Он сейчас же стал знакомых и незнакомых одаривать коктебельскими акварелями. Чтобы не мешать, мы скоро ушли из мастерской и вышли на грохочущий берег...

Маревна (Мария Воробьевна-Стебельская) Из книги "Жизнь в двух мирах"

⁵²⁸ 348 Страна из стихотворения Волошина "Молитва о городе (Феодосия весной 1918 года)" (1918).

⁵²⁹ Мария Степановна Волошина (см. о ней в комментарии к ее воспоминаниям)